

Памяти Сергея Зеноновича Луцника

8 ноября 2015 года умер Сергей Зенонович Луцник. Ни званий, ни наград не было у этого человека. Но уже многие годы мы понимали, как много значит он в жизни не только культурной Одессы, но и далеко за ее пределами.

Библиофил, краевед, литератор. До этого — инженер. Всё так, но только этого перечисления недостаточно.

Сергей Луцник был примером того, как следует сохранять чувство собственного достоинства. Как можно его сохранить вопреки "правилам игры", которые навязывает время.

Сергей Луцник был тем человеком, о котором всегда помнилось, а как на твой поступок, фразу он отреагирует.

У Давида Самойлова: "Нет у них, и всё разрешено". Сознание, что есть Луцник, внушало: нельзя было сподличать. Он этого не прощал. Уходит эпоха. Очень сложная эпоха.

У Сергея было ясное представление, о том, что Октябрь — это злодейство, вооруженный переворот, что тоталитарная власть отвратительна. Он вернул из небытия имени Михаила

Жука, Вениамина Бабаджана, Владимира Издебского, Семена Кесельмана и многих других — вычеркнутых и забытых. И не переносил запах национализма — русского, украинского, еврейского; и свои взгляды не скрывал. Они — в его замечательных книгах.

С первых номеров во "Всемирных одесских новостях", а потом и в альманахе "Дерибасовская — Ришельевская" Сергей Зенонович — в числе наших постоянных и любимых авторов.

Горжусь, что его первую заметку о рисунке П. Коновского я опубликовал в "Комсомольской искре" в 1966 году. В последнее время, когда он тяжело болел, мы продолжали публиковать тексты из его архива.

Больно, невыносимо терять друзей. Утешает лишь мысль — память о Сергее Зеноновиче Луцнике, настоящем Одессите, так много сделавшем во имя Одессы, ее культуры, будет жить долго.

Евгений Голубовский.

Десятого ноября проводили в последний путь Сергея Зеноновича Луцника, человека с колоссальным творческим потенциалом, одного из моих учителей.

Главным занятием его жизни считают литературное краеведение. В принципе, так оно и есть, о чем свидетельствуют блистательные книги и публикации о литературных прототипах.

Думаю, его занятия были намного шире: Луцник работал в области просопографии — истории коллективных биографий определенных историко-социальных групп, генеалогии, биографического литературоведения, в сфере провенанса* и др.

Собственно говоря, исследовательская деятельность и стартовала с провенанса. Сергей Зенонович начинал как коллекционер — грамотный, жесткий, прозорливый. Об этом периоде мне в свое время немало поведал А.С. Коциевский — коллега и конкурент, неоднократно переходивший Луцнику дорогу (впрочем, не обходилось и без взаимности). Об их соперничестве, пожалуй, можно было бы написать повесть с несколько ироническим привкусом.

Как бы то ни было, провенанс заталкивал в семейные архивы, и, в конечном счете, именно они, а не произведения искусства или предметы материальной культуры стали для Луцника предметом изучения. Он перерос в себе

коллекционера, тривиального обладателя и тем самым обрел гораздо больше, нежели то, чем мог владеть банальный собиратель.

В некотором смысле можно говорить, что Луцник был асоциален. Как мне кажется, он более, чем кто-либо из динозавров секций "Одессика" и "Книга" Дома ученых, не любил советскую власть, на что имел личные причины.

Собственно говоря, все искали в краеведении и библиофильстве нишу, не связанную с идеологией, где можно чувствовать себя в комфортной невроизоляции.

Сергей Зенонович заизолировался под завязку, хотя нередко отпущал едкие реплики в адрес режима. При некоторой простительной желчности он был дивно воспитанным, учтивым человеком, всегда готовым щедро делиться любой собранной информацией, что могу засвидетельствовать не только я.

По странному стечению обстоятельств многие крупнейшие одесские краеведы: Чарнецкий, Шувалов, Фельдман, Луцник и другие — дожили до глубокой старости. Думаю, это бонус. То есть они были на правильном пути.

* Провенанс — история владения художественным произведением, антикварным раритетом, его происхождение.

Олег Губарь

Серебряный подстаканник, крепкий чай, белая скатерть, картины на стенах.

Дом на Уютной, где всегда было так уютно. И сухощавый подтянутый хозяин в неизменном сером пиджаке — Сергей Зенонович Луцник. Часто к нему обращались просто — Луцник.

И в этом было все — уважение, преклонение, восхищение, любовь.

Сейчас говорят "харизматичный человек". По отношению к Луцнику эти слова кажутся бледными и стертыми. Сила обаяния, блестящие знания, увлеченность, тщательность в мелочах.

Он был истинным и истовым одесситом, почти всю жизнь провел в Одессе, пережил оккупацию. На память о холодных военных зимах и очередях за водой остались обмороженные руки.

В сорок втором году, когда он собирался поступать на истфак, отец отсоветовал: "В этой стране, где история меняется каждые четыре года, ты не сможешь заниматься наукой". И Луцник пошел в институт морского флота. Среди его преподавателей был профессор Варнеке.

С того времени пошла одна из любимых фраз Луцника. "Не экономьте бумагу на высшее образование", — приговаривал он, заставляя нас в четвертый или шестой раз перепечатывать статью или расшифровку рукописи

рассказа Жука или стихотворения Бабаджана.

Семья, в которой читали и хранили книги, семья мыслящих интеллигентов не могла вписаться в советскую действительность. Луцник принял решение, как он сформулировал, "о внутренней эмиграции" — есть жизнь во круг, и есть Дом, именно так, семья, где живут своей жизнью, своими интересами.

Первая любовь — археология, поездки в Ольвию, Роксоланы, Крым. Потом — увлечение живописью одесских художников, и последние сорок лет — одесская культурная жизнь и ее участники 1900 — 1920-х годов.

Серый костюм, неизменный портфель, который позднее сменила папка для бумаг: Луцник идет в Публичку. В отличие от многих и профессоров, и музейных сотрудников, он ходил туда практически ежедневно, выписывал, находил, сопоставлял. Он прорывался в самые недоступные места — спецхран библиотеки, областной архив, в те годы практически закрытый для исследователей.

Сочетание инженерного расчета и точности и увлеченности историей — все статьи Луцника выверены, без домислов и допущений: только факты, только документы.

И потрясающая открытость: Луцник легко делился найденным, разрешал пользоваться своей картотекой. Два ящика высотой в человечес-

кий рост, заполненные карточками: хроника жизни и судеб. Бунин, Катаев, Федоров, Буковецкий, Бабаджан, Феохарида, Жук, Издебский, Фазини — художники, писатели, издатели, коллекционеры, библиофилы. Он находил родственников, уговаривал, приходил к ним регулярно, как на работу — и документы, которые могли бы оказаться в мусоре, попадали к нему в коллекцию. То, что не отдавали, покупал.

Все премии шли не "в семью", а на покупку старых, казалось бы, никому не нужных бумаг, документов, фотографий.

Он был археологом Одессы — из забвения возвращал, возрождал, реконструировал подлинную историю, из разбитых историей черепков — судьбы людей.

Он никого не наставлял специально, но многие называют его Учителем.

Луцник — это Отрада, по улочкам которой мы шли в гостеприимный дом. В самые тяжелые, самые голодные времена был стол под белой скатертью, чай с вареньем, если не что-то, испеченное Галиной Григорьевной, то хоть сухарики.

Луцник — это море, он проходил вдоль всего берега, тогда еще не перегороденного от Отрады до Фонтана. Мы завидовали его бронзовому загару, а он смеялся: "Не надо лежать на песке".

Луцник — это Публичка и архив, где долгие годы он был неотъемлемой частью.

Луцник — это дом, в который мы, гордясь знакомством, приводили исследователей из Москвы, Киева, Франции, Италии, Японии.

Луцник — это ежегодный ритуал встречи с Сашей Ильф, которая каждый приезд приходила к Луцникам и неизменно фотографировалась на одном и том же месте за столом — у каждого постоянного гостя было место за громадным столом, переделанным из бильярдного.

Луцник — это интереснейшая работа над статьями и книгами, которую можно было разделить с ним.

Луцник — это безжалостная критика неточностей, допущений, ошибок: "Чай пить с Вами можно, а работать — нельзя".

Луцник — это дом на Уютной, Галина Григорьевна и Наташа.

Луцник — это остроумные разговоры, великолепно рассказанные анекдоты.

Луцник — это прогулки по Одессе и рассказы о каждом здании, о людях, о городе.

Луцник — это больше, чем я могу написать и объяснить не знавшим его. Луцник — это Луцник.

Алена Яворская.

Фото Бориса Ладыженского.

«Всемирные одесские новости» в сети Интернет:

www.odessitclub.org

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка: компьютерный центр ТИА "Вікна-Одеса" (тел. +38 067-480-37-05).

Регистрационное свидетельство N 508. Тираж 1000. Заказ N 88. Газета отпечатана в ИПП "Печатный дом".

Адрес редакции: 65014, Одесса, ул. Маршаловская, 7. Тел. 725-45-67, 725-53-68. www.odessitclub.org.